

I. В мире научном

Воздух Петербурга

Через пять лет после «выхода на Амур» в судьбе Кропоткина произошел новый решительный поворот. Он навсегда расстался с военной службой и вернулся в Петербург, который некогда с радостью покидал. Город почти не изменился. А Кропоткин был уже другим. В Сибири он увидел реальную жизнь, познакомился с тем, как складываются реальные взаимоотношения людей друг с другом и с администрацией, с властью. Постоянное общение с простым народом - казаками, крестьянами-переселенцами, мастеровыми, ссыльными - и книги, которые он читал часто при свете костра во время своих таежных походов, пробуждали его мысль. Он размышлял надо всем, с чем сталкивала его жизнь.

В Сибири он стал ученым-естествоиспытателем, первооткрывателем новых земель и дорог. Но не только 70 тысяч верст преодоленного пространства в его активе. А еще и комплекс идей и обобщений, явившихся существенным вкладом в науки о Земле в 60-х годах прошлого века. Об этих годах Кропоткин писал: «То было время всеобщего научного возрождения. Непреодолимый поток мчал всех к естественным наукам». Этот поток увлек его. И вынес весной 1867 года к берегам Невы, в главный научный центр России.

Два года назад было отмечено 300-летие Галилея. И как бы приуроченным к этому великому юбилею оказалось по-галилеевски великое открытие Джеймсом Кларком Максвеллом существования электромагнитных волн, разработка им электромагнитной теории света. Это был революционный переворот в науке. Другое, столь же значительное открытие прошло тогда незамеченным: австрийский монах Грегор Мендель вывел свои «законы наследственности», но они будут поняты и признаны лишь в самом конце девятнадцатого столетия. В 1867 году защитил докторскую диссертацию ровесник Кропоткина климатолог А. И. Воейков, которому еще предстоит открыть законы формирования климатов земного шара. Пройдет всего два года, и профессор Петербургского университета Дмитрий Иванович Менделеев построит свою гениальную периодическую систему химических элементов. Почти одновременно с русским изданием сенсационной книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» появилась вызвавшая едва ли не меньший интерес работа русского физиолога Ивана Михайловича Сеченова «Рефлексы головного мозга»: она заставила пересмотреть представления о строении и функции нервной системы человека.

Случайно, а может быть и нет, открытия в науке сопровождались событиями, потрясавшими общественные отношения. В Европе, пережившей революционную бурю пятнадцать лет назад, в 1848 году, было относительно спокойно, хотя не так уж далеко впереди - год Парижской коммуны - 1871-й. Пока же наиболее «горячими точками» мира были Северная

Америка где шла Гражданская война; Балканы, где славянские народы поднялись против турецкого гнета, и в России, перед которой с отменой крепостного права открывались новые перспективы.

В апреле 1865 года, когда американская Гражданская война завершилась победой сторонников уничтожения рабства, выстрелом в театре Форда был убит их лидер президент Авраам Линкольн...

А в России в царя стрелял Каракозов. Он прожил немногим более 20-ти лет, а вот решился на поступок, за который пришлось платить жизнью. Ради чего? Прав ли он? - эти вопросы волновали русскую интеллигенцию.

Как раз в те дни, когда в Иркутске шел процесс над группой ссыльных поляков, Кропоткин читал газеты с описанием всего произошедшего. Читал о том, как Каракозов сказал схватившим его: «Дурачье, ведь для вас же, а вы не понимаете». О том, как не сразу, но все же открыл свое имя и назвал сообщников - Ишутина, Худякова и еще тридцать человек, образовавших кружок антиправительственной пропаганды под названием «Организация», а после вынесения приговора написал прошение царю о помиловании. На нем Александр начертил: «Лично я в душе простил ему, но как представитель верховной власти я не считаю себя вправе прощать...» Чувство власти выше других чувств человеческих...

3 сентября 1866 года, в семь утра, на Смоленском поле при стечении тысячной толпы Каракозов был повешен. Это первая виселица Александра II в России... Тысячи их покрыли уже раньше поля Польши. «Освободитель» обернулся «вешателем». Да он ли тут виноват лично? Система самодержавия, власть в одной точке, освещенная богом...» Поэтому-то и стрелял Каракозов, открыв в России долгую «охоту на царя».

Выстрел Каракозова был неожиданным для России, и не понят ею. Власти же использовали его как сигнал к усилению реакции.

Руководивший расследованием Каракозовского дела граф Н. А. Муравьев заявил, что причина выстрела - «последствие полного нравственного разврата нашего молодого поколения, подстрекаемого и направляемого к тому... необузданностью журналистики и вообще нашей прессы». Образована особая комиссия по борьбе с революционным движением. Усилились гонения на журналы, закрыты на время «Современник», «Русское слово» - в них мыслящие люди находили поддержку своим левым взглядам. Даже «Санкт-Петербургские ведомости» были приостановлены на три месяца за критику администрации. И вслед за разгромленной «Организацией» Ишутина возник кружок «Земля и Воля», основанный двумя Николаями - Серно-Соловьевичем и Утиным. Оба - студенты Петербургского университета. То и дело появлялись новые прокламации и подпольные газеты.

А молодежь зачитывалась «Историческими письмами» профессора Артиллерийской академии полковника Петра Лаврова, арестованного в апреле 1866 года и сосланного в Вологодскую губернию. Лавров дал свою формулу прогресса: «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении - воплощение в общественных формах

истины и справедливости...» Он провозгласил программу «перестройки русского общества» для решения социального вопроса, как первостепенного, руководствуясь идеалом «свободного общежития, в котором исчезает всякий след государственной принудительности». Отказ от «управления человека человеком», «уважения к труду, солидарность, сознание своего и чужого личного достоинства - вот к чему призывал Петр Лавров. Он был тогда, наряду с Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, «властителем дум». Как, впрочем, и В. В. Берви-Флеровский, социолог и экономист, автор «Азбуки социальных наук», всю жизнь проведший в ссылках, сказавший: «Идите в народ и говорите ему всю правду до последнего слова...»

Впервые о сибирском оледенении

Кропоткин живо интересовался этими идеями, но главное для него - наука. Ведь он привез из Сибири большой экспедиционный материал, который нужно осмыслить и обобщить. Приехав в Петербург, он смог, наконец, осуществить свою давнюю мечту - поступить в университет. Посещая занятия на первом курсе физико-математического факультета Петербургского университета, он одновременно ходил на службу в Статистический комитет Министерства внутренних дел. Туда ему помог устроиться Петр Петрович Семенов, председатель этого комитета. После экспедиции в Тянь-Шань, завершившейся открытием огромной горной страны, - он стал вице-президентом (фактически главой) Императорского Русского географического общества, признанный лидер русской школы географов.

На первых порах Кропоткин еще думал о работе в области математики и опубликовал статью в «Артиллерийском журнале» на тему о графическом решении алгебраических уравнений, отредактировал перевод и составил комментарий к учебнику геометрии известного педагога Адольфа Дистервега. Но все же природа перевесила математические абстракции...

В декабре 18687 года в Петербурге открылся Первый съезд русских естествоиспытателей, имевший, несомненно, большое значение для Кропоткина. Он видел в нем выдающихся ученых России: химиков - Дмитрия Менделеева и Андрея Бекетова, биологов Илью Мечникова и Клемета Тимирязева, математика Пафнутия Чебышева, физика Бориса Якоби, мореплавателя и в те времена Президента Академии наук адмирала Федора Литке, коллег-географов Алексея Федченко, исследовавшего горы Средней Азии и климатолога Александра Воейкова. Ему довелось участвовать в обсуждении доклада Менделеева о введении метрической системы мер и выступить с сообщением о сейсмографе, испытанном в Иркутске.

В марте 1869 года, когда Кропоткин доложил о проведенных им геологических исследованиях в долине реки Лены и на приисках Витима, его избрали действительным членом общества естествоиспытателей. В этом докладе впервые были изложены доводы в пользу распространения древнего оледенения в Сибири. Сообщение это воспринято было с осторожностью, поскольку некоторые европейские авторитеты еще выступали с решительной защитой представлений о том, что по европейским равнинам валуны разнесены плавающими льдинами. Только спустя три года сделает свой доклад о древних

ледниках Скандинавии Отто Торелль, который будет признан основателем теории ледникового периода в Европе.

Там, где проходил Кропоткин, - в Саянах, на Патомском нагорье, ледников не было, но воображение рисовало на месте покрытых лесом гольцов величественную, ослепительную в лучах солнца бескрайнюю снежную пустыню. На протяжении многих тысячелетий накапливался снег, не успевавший растаять за короткое холодное лето. Нижние слои под давлением вышележащей толщи уплотнялись в монолитный лед. Обладая довольно высокой пластичностью, он расползался в стороны, занимая все новые пространства. И нужно было очень большое потепление, чтобы этот лед превратился в воду и освободил пространство для распространения жизни.

Размышления о былом оледенении вызвали аналогию с таким же мертвящим «оледенением» жизни общества под властью царизма и порожденной им бюрократической системой. Еще не представляя себе, как участвовать в борьбе за «размораживание общественной жизни, Кропоткин прежде всего занялся наукой. Правда, он уже стремился к тому, чтобы повернуть ее «лицом к народу», сделать ее достижения достоянием масс. Ему понравилась на съезде естествоиспытателей речь профессора Московского университета геолога Григория Щуровского «Об общедоступности, или популяризации естественных наук», его слова о том, что пропаганда достижений науки в народных массах становится «потребностью страны».

Научный обозреватель

В 1867 году в приложении к «Московским ведомостям», в «Современной летописи» еще завершалась публикация его писем из Восточной Сибири, в «Записках Сибирского отдела РГО» был опубликован отчет «Поездка в Окинский караул»; в «Записках для чтения» - «путешествие по Лене»; в иркутской газете «Сибирский вестник» - письма с Витима, с устья Муи и Тихоно-Задонского прииска; в немецком журнале «Peterman's Mitteilungen», издававшемся географом Августом Петерманом, - информационная статья об Олекминско-Витимской экспедиции. Краткий отчет об этой экспедиции появился в «Известиях РГО», в 1869 году. Это была работа по сибирской теме. Но параллельно с ней возникают и новые направления.

Воодушевившись идеей Щуровского, Кропоткин договорился с редакцией «Санкт-Петербургских ведомостей» о публикации в этой достаточно обстоятельной и вместе с тем популярной газете, серии статей под рубрикой «Естествознание». Обзор новейших научных идей был в те годы в значительной степени новым для газеты жанром. В начале 1868 года Кропоткин опубликовал первый такой научный обзор. Он был посвящен успехам в области применения спектрального анализа, новым данным о химическом составе и строении звезд и туманностей. Вторая статья, появившаяся 5 марта, называлась «Влияние вырубки леса на климат страны»

В ней он говорит о том, что в России недопустима стихийная, неограниченная, бездумная вырубка лесов. Ведь «близость леса» оказывает смягчающее влияние на климат: в лесу

суточные колебания температуры не так велики, зимы - теплее, летняя жара умереннее, и вообще лесной климат приближается к морскому. Лес притягивает влагу, накапливает ее, задерживает таяние неги, способствует более равномерному его распределению во времени. Надо беречь лес. И его хозяйственное использование должно быть предельно осторожным.

Другие газетные статьи Кропоткина посвящены самым разным темам. Он пишет о добычании кислорода из воздуха, использовании его в фабричном производстве, об использовании диффузии газов и их поглощении металлами, об изобретении воздухоплавательных аппаратов. Первая его «ледниковая» статья появилась тоже в газете - в «Кронштадтском вестнике». В ней рассматривалось происхождение валунов на посещенном им эстонском острове Большой Тюттерс. Расширенный вариант статьи напечатан в Известиях ИРГО.

К концу 1869 года у молодого (ему 27 лет) ученого и журналиста составилась солидный список публикаций - около 80 наименований. Причем три его статьи уже были напечатаны в Европе: в Германии, Италии и Англии. Все реже Кропоткин ходит на лекции в университет и, наконец, оставляет, его совсем, а затем уходит и со службы в Статистическом комитете. Постепенно он занимает подобающее ему место в сообществе русских географов.

В Императорском географическом

В конце 1844 года на обеде, который дал в честь возвратившегося из Сибири А. Ф. Миддендорфа писатель и этнограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль, собрались знатоки России - исследователи природы, языка, народных обычаев. Тогда в доме В. И. Даля родилась идея создания в России географического общества. Конечно, без августейшей поддержки в этом деле было не обойтись, посему покровителем общества просили стать великого князя Константина Николаевича, брата будущего царя Александра II, считавшегося лидером либеральной партии при дворе.

Следующая встреча инициаторов состоялась в его кабинете. В ней приняли участие виднейшие ученые - арктический и кругосветный мореплаватель Федор Литке, геолог Карл Бэр, астроном Владимир Кеппен, писатели В. И. Даль и В. И. Одоевский, геолог П. А. Чихачев, астроном и геодезист В. Я. Струве, географ и статистик К. И. Арсеньев, - всего семнадцать человек. К началу мая следующего года учредители Общества согласовали уста, который был представлен министру внутренних дел для доклада императору. Он был «высочайше утвержден» 6 августа 1845 года, а вместе с тем Обществу «пожалована» субсидия в 10 тысяч рублей, а также определен председатель нового императорского общества - великий князь Константин. В сентябре состоялось первое заседание, а которым был избран вице-президент - адмирал Федор Литке и управляющие отделений: по общей географии - Фердинанд Врангель, по географии России - Василий Струве, по этнографии - Карл Бэр, по статистике - Владимир Кеппен и 53 действительных члена. В ноябре 1846 года на первом годовом собрании учреждены были награды Общества - Константиновская, или Большая золотая медаль, Малая золотая, серебряная и бронзовая медали.

Так начиналась деятельность Императорского Русского географического общества (ИРГО) с которым Петр Кропоткин на несколько лет связал свою судьбу. Географические экспедиции того времени были первопроходческими: они проникали в районы России, ранее учеными не посещавшиеся. Первая среди них, во главе с горным инженером Э. К. Гофманом (он сопровождал А. Гумбольдта в его поездке по Уралу) исследовала пространство на севере Урала, между реками Обь и Печора, Северным Ледовитым океаном и Пермской губернией. А затем академические экспедиции: сибирская - Л. Шварца и Ф. Шмидта; чукотская - барона Г. Е. Майделя; и «серия» среднеазиатских: П. П. Семенова - на Тянь-Шань, Н. А. Северцова - на Тянь-Шань и Памир; В. Я. Струве и Г. И. Потанина - на Алтай.

Имя Кропоткина впервые появилось на страницах «Известий РГО» в 1865 году, когда этот главный географический журнал сообщил о поступлении в библиотеку Общества отчета с пятью листами карт об исследовании князем Кропоткиным в Китае горного хребта Б. Хинган.

В этом же журнале напечатано сообщение о том, что на заседании Сибирского отдела РГО князь Петр Кропоткин прочитал отчет «О поездке из Цурухайтуя через Мерген в Благовещенск».

Кропоткин, ставший членом-сотрудником Сибирского отдела РГО и избранный в состав его Распорядительного комитета, еще ни разу не присутствовал на собраниях Общества в Петербурге. Не был он и на годовом общем собрании 19 января 1866 года, когда было объявлено о присуждении ему Малой золотой медали за его маньчжурскую экспедицию. Высшей награды Общества - Константиновской медали - был удостоен создатель первой геологической карты Европейской России академик Г. П. Гельмерсен, а серебряной - участник Сунгарийской экспедиции Арсений Усольцев. Действительным членом Географического общества на том же заседании был избран сверстник Кропоткина А. И. Воейков.

Они начали свой путь в науке почти одновременно. Воейков закончил университет в Петербурге, потом много лет учился за границей, объездил все страны мира и создал описание земных климатов, ставшее классическим. Ученый с мировым именем, он оставался в рамках одной науки - географии. В те годы, о которых идет речь, многие ожидали, что Воейков и Кропоткин пойдут рядом, параллельно друг другу, образуя две вершины русской географической науки равной величины. Но судьбы их сложились по-разному.

А пока представим себе небольшой зал Географического общества в Петербурге, где 13 декабря 1867 года собрались исследователи земель российских и где слово для доклада об Олекминско-Витимской экспедиции было впервые представлено князю Кропоткину. Итак, пересечена обширная горная страна, прорезанная реками. Открыты и названы одно нагорье и два отчетливо выраженных в рельефе хребта. Доказано, что не существует гигантский Становой хребет. Водораздел между двумя океанами - Тихим и Северным Ледовитым - выглядит совсем не так, как его представляли прежде. Построены карты Олекмо-Витимской горной страны, вызвавшие особый интерес в связи с критикой карт, составленных Александром Гумбольдтом. Используя старинные китайские источники, Гумбольдт умозрительно начертал в Восточной Сибири хребты, идущие в широтном направлении,

пересекаемые меридиально направленными хребтами. Получилась своеобразная клетка, геометрически правильная, но, как установил Кропоткин, не отвечающая тому, что существует в реальности. Всего-то три тысячи верст он прошел по нагорью Восточной Сибири, а представил себе строение грандиозной горной страны, как будто увидел ее с самолета или из космоса. Удивительную интуицию продемонстрировал Кропоткин - его схема расположения гор Сибири оказалась в основных чертах верной, что установили многочисленные экспедиции, работавшие в этих труднодоступных местах через двадцать, тридцать, пятьдесят лет после Кропоткина.

«Чтение князя Кропоткина возбудило в собрании самый живой интерес и было покрыто продолжительными рукоплесканиями», - так записали в протоколе заседания.

Потом Кропоткин еще не раз выступал в столичном зале РГО, рассказывая о проведенных им барометрических измерениях, которые помогли определить высоты гор и долин, о следах древнего оледенения в Сибири, происхождении речных долин, о климатических особенностях района Витимских золотых приисков... Подлинный фейерверк идей порожден, был экспедицией. Многие из них будут высказаны позже, спустя десятилетия.

В 1873 году в Петербурге вышла в свет подробная монография объемом более 900 страниц - «Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции...» В этот отчет включен очерк Ивана Полякова о географическом распространении животных в сибирской тайге, с перечислением обнаруженных им новых видов, а их несколько десятков. Этот молодой человек, иркутский учитель, с которым делил Кропоткин тяготы таежного похода, тоже был в зале, когда докладывался отчет об экспедиции. Кропоткин помог ему перебраться из Иркутска в столицу, снабдив деньгами, а также подготовиться к поступлению в Петербургский университет. Устроил его жить на своей квартире, всячески поддерживал в учебе, говорил о нем, как о «будущей славе русской науки». И Поляков, действительно стал незаурядным ученым-зоологом. Правда, век его оказался коротким - умер он сорока лет от роду. На своем жизненном пути он еще не раз встретится с Кропоткиным, и мы о нем вспомним.

В Географическом обществе того периода, который в историю вошел под названием «семеновского», сотрудничали замечательные люди, прославившиеся своими путешествиями и научными обобщениями. Работа рядом с ними и вместе с ними была чрезвычайно полезна для Кропоткина. Он отметил это в своих мемуарах и дал краткие характеристики некоторым из них.

Николай Алексеевич Северцов: «Он был выдающийся зоолог, талантливый географ и один из самых умных людей, которых я когда-либо встречал». Сенсационное возвращение из Средней Азии Николая Северцова, попавшего в плен к воинственным кокандцам, совпало с приездом в Петербург после неудачного амурского сплава. Бесконечно увлеченный наукой, Северцов поразил тогда всех своим бесстрашием перед лицом опасности, взятый в плен враждебными дикарями. На петербургское общество его искренние рассказы произвели большое впечатление, и Северцов на какое-то время оказался в центре общественного внимания, как несколько лет назад - Семенов, как Гумбольдт, посетивший Россию в 1829 году.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай, изучавший жизнь папуасов Новой Гвинеи: «...поставил себе правилом, которому неуклонно следовал, - быть всегда прямым с дикарями и никогда не обманывать даже в мелочах, даже для научных целей».

Алексей Павлович Федченко «сделал многочисленные зоологические наблюдения в Туркестане, вместе со своей женой Ольгой Федченко, тоже естествоиспытателем. Он с увлечением трудился над разработкой своих наблюдений; но к несчастью погиб в Швейцарии во время восхождения на Монблан...».

В 60-х годах началось восхождение «звезды» Пржевальского, ставшего после серии первооткрывательских походов в Центральную Азию едва ли не самым знаменитым путешественником в мире. В те дни, когда Кропоткин возвращался из Сибири, Николай Михайлович Пржевальский отправился в первую свою экспедицию, в Уссурийский край. О Пржевальском Кропоткин писал так: «В нем сошлись географ-исследователь, зоолог и охотник. Едва только он возвращался в Петербург, как уже начинал строить план новой экспедиции и бережливо копил для нее деньги... По крепкому здоровью и по способности выносить годами суровую жизнь горного охотника Пржевальский был идеальным путешественником» 1.

1 АРГО? ф. 18, оп. 1, ед. хр. 313.

Сподвижник Пржевальского в одном из его путешествий по Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов говорил, что на привалах легендарный путешественник нередко вспоминал Кропоткина, в то время уже жившего за границей, как «одного из самых осведомленных людей в области географических познаний», а также он называл его «живым декабристом», сочувствуя, очевидно, его убеждениям.

Секретарь отделения

Заслуги Кропоткина перед российской географией были несомненны. Это признавали его коллеги. Уже в феврале 1868 года он единодушно был избран секретарем Отделения физической географии РГО, с перспективой перейти на место Семенова - председателя отделения, когда тот сменит главу Общества - стареющего Федора Петровича Литке, назначенного к тому же президентом Академии наук.

Как секретарь отделения, Кропоткин вел собрания, предоставляя слово ораторам, составлял протоколы. Сам он включался в обсуждения не так уж часто. За семь лет работы в РГО он выступил не более двадцати раз. Активность Кропоткина проявлялась больше в публикациях, участии в специальных комиссиях Общества, создавшихся по разным направлениям и проблемам.

Первая комиссия, в которую он вошел, - метеорологическая. Выступая на одном из заседаний по поводу сообщения Пржевальского о том, что причиной понижения уровня воды и отступления береговой линии, отмеченных им на озере Ханка на Дальнем Востоке, является вырубание лесов, он заметил, что не только Ханка, но и все озера на востоке Азии

постепенно высыхают, и это объясняется «общим климатическим характером переживаемого нами геологического периода». Так в 1869 году он впервые наметил одну из важнейших своих идей, развитых им затем в теорию «высыхания Евразии».

В комиссию «для выяснения нужд Амурского края» он был включен как знаток и проблем его населения. В комиссию по проведению нивелировки Сибири (определение высот земной поверхности по данным измерений давления воздуха барометром) - как один из первых исследователей, испытавших этот метод в сибирских экспедициях. Включили его и в комиссию по присуждению медалей РГО. Еще занимался он вопросами организации экспедиций Николая Северцова на Тянь-Шань и его сибирского друга Полякова - в Карелию, проектирования Кумо-Манычского канала на Северном Кавказе, который соединил бы бассейны Черного и Каспийского морей.

Когда отмечалось 25-летие РГО, Кропоткин выдвинул ряд предложений. Он высказался за создание обобщающего труда «Землеведение России», а наряду с ним - книг по образованию и самообразованию в области географии, в том числе предназначенных для «распространения географических сведений в кругу рабочих людей». Он предложил установить премии за труды по географии России, за учебники и лучшие географические очерки для народных школ.

На основе этих предложений Географическое общество приняло решение о том, чтобы содействовать появлению «обширного систематического труда, который представлял бы полное географическое описание России, европейской и азиатской, в отношении физико-географическом, этнографическом и статистическом».

В качестве автора такого труда мог бы быть сам Кропоткин. Он думал об этом и несомненно осуществил бы, если бы оставался в Географическом обществе.

« Через мои руки, - писал он, - проходили всевозможные материалы относительно географии России. У меня начала складываться мысль написать пространную физическую географию этой громадной части света, уделяя при этом видное место экономическим явлениям. Я намеревался дать полное географическое описание всей России... И я хотел очертить в этом описании различные формы хозяйственной жизни, которые должны господствовать в различных физических областях» .

Это был новаторский замысел, и возник впоследствии он, несомненно, под влиянием работ французского географа Элизе Реклю, который стане его ближайшим другом. На книгу Реклю «Земля и люди», вышедшую в Петербурге в 1872 году, Кропоткин опубликовал рецензию в сборнике «Знание».

А спустя тридцать лет появился выдающийся 19-томный труд П. П. Семенова-Тан-Шанского (при участии других географов) - «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». В какой-то мере именно кропоткинский проект был реализован в этих книгах. Географы упрекали Кропоткина в том, что он не сделал эту работу, отдав свой талант и время совсем другим занятиям. Но издание вышло и без него.

Ему же сердце подсказывало иной путь, традиционный для русских интеллигентов XX века, воспитанных на пушкинской жажде свободы и «милости к падшим». Ему понятен был и призыв Некрасова: «...гражданином быть обязан!»

П. А. Кропоткин.

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 141-143.

“ ...У меня стали зарождаться географические обобщения, вскоре всецело захватившие меня. Путешествия по Сибири убедили меня, что горные цепи, как они значились тогда на картах, нанесены совершенно фантастически и не дают никакого представления о строении страны. Составители карт не подозревали тогда даже существования обширных плоскогорий, составляющих столь характерную черту Азии. Вместо них обозначали несколько больших горных кряжей. Так например, в чертежных... сочинили восточную часть Станового хребта в виде громадного червя, ползущего по карте на восток. Этого хребта в действительности не существует. Истоки рек, текущих с одной стороны в Ледовитый океан, а с другой - в Великий океан, переплетаются на том же плоскогорье и зарождаются в одних и тех же болотах. Но в воображении европейских топографов, самые высокие хребты должны находиться на главных водоразделах, и вследствие этого тут изображали высокие цепи гор, которых нет в действительности. Много таких несуществующих хребтов бороздило карту Северной Азии по всем направлениям.

Мое внимание теперь в продолжение нескольких лет было поглощено одним вопросом - открыть руководящие черты строения нагорной Азии и основные законы расположения ее хребтов и плоскогорий. Долгое время меня путали в моих изысканиях прежние карты, а еще больше - обобщения Александра Гумбольдта, который после продолжительного изучения китайских источников покрыл Азию сетью хребтов, идущих по меридианам и параллельным кругам. Но, наконец, я убедился, что даже смелые обобщения Гумбольдта не согласны с действительностью.

Я начал сначала чисто индуктивным путем. Собравши все барометрические наблюдения, сделанные прежними путешественниками, я на основании их вычислил сотни высот. Затем я нанес на большую карту Шварца все геологические и физические наблюдения путешественников, отмечая факты, а не гипотезы. На основании этого материала я попытался выяснить, какое расположение хребтов и плоскогорий наиболее согласуется с установленными фактами. Эта подготовительная работа заняла у меня боле

